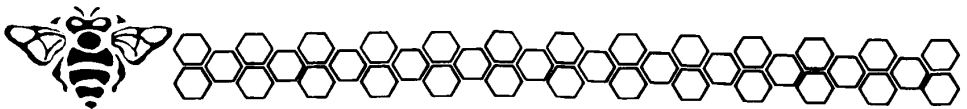

STUDIA HISTORICA

В. Я. Петрухин
Д. С. Раевский

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ РОССИИ
В ДРЕВНОСТИ
И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Учебное пособие для гуманитарных факультетов
высших учебных заведений

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1998

ББК 63.3(2)41Я73

П 31

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

Взгляды и подходы автора не обязательно совпадают с позицией программы. В особо спорных случаях альтернативная точка зрения отражается в предисловиях и послесловиях.

Редакционный совет: *В. И. Бахмин, Я. М. Бергер, Е. Ю. Гениева, Г. Г. Дилигенский, В. Д. Шадриков.*

Рецензенты:

Я. А. Шер – д.ист.н., проф. кафедры археологии
Кемеровского ГУ

Н. И. Басовская – д.ист.н., проф., проректор РГГУ

Петрухин В. Я., Раевский Д. С.

П 31

Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 384 с., 45 илл.

ISBN 5-7859-0057-2

Учебное пособие представляет собой опыт последовательного изложения этнической истории – истории народов (этносов) России – в древности и раннем средневековье, включая эпоху сложения раннесредневековых государств, в том числе Руси. Рассматриваются методы исторических реконструкций этнических процессов в дописьменную эпоху и проблемы комплексных междисциплинарных исследований в эпохи, освещенные письменными источниками. Авторы сосредотачиваются на узловых для этнической истории Евразии событиях: формировании и дифференциации крупных этноязыковых общностей, прежде всего индоевропейцев в древнейшую эпоху, скифов и других народов древности, тюрков и славян в эпоху раннего средневековья. Особое внимание уделяется спорным проблемам ранней этнокультурной истории Руси.

На обложке воспроизведены фрагменты Радзивилловской летописи. На тыльной стороне – л. 5: «Разные языки дань дают Руси», на лицевой стороне – л. 6 об.: «...и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни...».

ББК 63.3(2)41Я73

© В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский, 1998

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	7
Глава I. Источники и методы воссоздания ранних этапов этнической истории	19
Глава II. Предыстория народов России	29
Глава III. Киммерийцы, скифы и греки в Восточной Европе	61
Глава IV. Соседи скифов и другие народы Северной Евразии в скифскую эпоху	101
Глава V. Евразия в сарматскую эпоху	118
Глава VI. Великое переселение народов. Готы в Восточной Европе. Гунны: от Центральной Азии до Галлии	132
Глава VII. Проблема происхождения славян и начало славянской истории	145
Глава VIII. Тюрки и народы Сибири: предыстория и выход на историческую арену. Авары, ранние болгары и угры в истории Восточной Европы	178
Глава IX. Хазары и Хазарский каганат. Кавказская Алания и Волжская Болгария	198
Глава X. Славяне и кочевники в раннем средневековье: проблема этнокультурного синтеза	226
Глава XI. Русь и народы Восточной Европы в IX—X вв.	236
Заключение. К проблеме исторических судеб народов России в древности и раннем средневековье	328
Приложение. Выдержки из источников, содержащих сведения об этнической истории народов России в древности и раннем средневековье	333
<i>Литература</i>	359
<i>Указатель этнонимов</i>	377

ВВЕДЕНИЕ

Человечество издревле проявляет активный интерес к своему прошлому, стремится познать его. По мере развития цивилизации этот интерес приобретал все более осмысленный, целенаправленный характер. «Уважение к прошлому, — писал в 1830 г. А. С. Пушкин, — вот черта, отличающая образованность от дикости». А в его стихах та же мысль о неразрывной связи людей с их корнями выражена с большей ориентацией не на коллективное, а на индивидуальное восприятие прошлого, определяющее, по выражению поэта, «самостоянье человека»:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Помимо всего прочего, эти строки примечательны тем, что в них обнаруживается прямая перекличка между отношением отдельного человека к своим истокам и научным изучением прошлого, ибо здесь, по существу, названы два основных типа материальных свидетельств прошедших эпох — поселения и погребения. Памятники именно этих двух видов выступают в качестве главных объектов археологии и при отсутствии письменных свидетельств о том или ином периоде истории человечества служат основными источниками для воссоздания минувшего. Не менее важно, что мы находим здесь указание на преимущественный интерес человека к *своему* прошлому, на его стремление постичь в первую очередь историю своей семьи, своего рода, своей страны. Это вполне естественно, так как каждый индивид на любой исторической стадии всегда воспринимал и воспринимает себя как элемент некоего социального организма и сущность именно этого организма в первую очередь определяет формирование его ценностных ориентаций. Само по себе такое мироощущение, конечно, не заслуживает порицания. Хуже, когда подобное стремление оборачивается нарочитым возвеличиванием «своего» за счет принижения «чужого» либо причислением к «своему наследию» того, что в действительности таковым вовсе не является.

При обращении отдельного человека к минувшему на глубину по крайней мере нескольких поколений проблема выделения из общей массы тех памятников, которые связаны с его прошлым, как правило, не возникает: обычно у людей имеются довольно четкие представления о своих сравнительно недалеких предках, о том, где они жили и где похоронены. Да и вообще образ жизни недавних поколений и связанные с ними события (т. е. в более общем плане — их культура и история) предстают в сознании их прямых, более или менее близких потомков

достаточно отчетливо, хотя, конечно, в различных конкретных случаях точность и детальность подобной картины могут существенно различаться. Но если речь идет о более отдаленном прошлом — об истории в собственном смысле слова, — индивидуальной или даже семейной памяти оказывается недостаточно и в качестве «родного пепелища» и «отеческих гробов» начинают фигурировать уже не семейные древности, а памятники, приписываемые *своему народу*. И вот здесь возникают вопросы, насколько определенным является данное понятие и по каким критериям может прослеживаться историческая преемственность и должны вестись поиски собственных исторических корней.

С древнейших времен каждый человек непременно ощущает себя членом некоей совокупности людей, которые воспринимают друг друга как имеющих общее происхождение и одновременно отличают себя от тех, кто принадлежит к иным подобным совокупностям. Такие совокупности именуется этносами, этническими общностями. Любая этническая общность характеризуется рядом как объективных, так и субъективных признаков, а изучением таких общностей занимается наука этнология. По словам известного отечественного теоретика этнологии академика Ю. В. Бромлея, этнос — это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [Бромлей 1983, 57—58]. Каждый этнос занимает определенную позицию и на синхронной оси — по отношению к другим одновременным ему этносам того же или иных иерархических уровней, и на оси диахронной — по отношению к связанным с ним единой линией развития этносам предшествующих и последующих эпох. В этнологии существует достаточно разработанная, хотя во многом и остающаяся дискуссионной, терминология, служащая для обозначения и синхронной иерархии этнических совокупностей разного уровня, и последовательных исторических этапов развития каждой из них.

Слово *народ*, строго говоря, не относится к этой терминологической системе, а является неким обобщенным понятием, заимствованным из бытовой лексики и прилагаемым к различным в синхронном и диахронном плане этническим совокупностям. Собственно, таким же понятием было и слово *этнос* в древнегреческом языке, где оно могло обозначать и народ в широком смысле, и «племя» в составе древнего народа, а во множественном числе — иные народы, отличные от греков, и т. п. [ср. Поплинский 1973; противопоставление собственного народа — *ся* — «варварам четырех сторон света» в древнекитайской традиции и т. п.: Крюков 1984]. Близкое значение имело слово *племя* в древнерусском языке, где оно могло означать и народ, и более узкий

коллектив кровных родственников — просто родню, семью, род. Соответственно, слово *род* также относилось в естественном, разговорном, языке к разным родственным коллективам, от семьи до группы родственных народов. В древнерусском и более древнем праславянском языке *народ* — это совокупность предков и «народившихся» потомков [ср. ЭССЯ Вып. 22, 253—255; Колесов 1986, 19 и сл.].

В специализированном научном языке принята иерархия терминов, призванных обозначать соподчиненные понятия: *род* — это коллектив кровных родственников, включающий несколько семей; несколько родов, объединенных брачными связями, образуют *племя* или более широкую и аморфную общность, которую предлагают называть *соплеменностью*; на основе соплеменности, «союза племен» и т. п. формируется *этнос*, «народ» [ср. Арутюнов 1989]. Слово *народ* продолжает обозначать в естественном языке широкую совокупность предков и потомков. Именно в таком качестве оно употребляется и в тех случаях, когда в поисках собственных исторических корней человек или группа людей обращаются к прошлому «своего народа».

Сложность, однако, состоит в том, что на практике ответ на вопрос, что человек вправе считать принадлежащим к *своему* прошлому или, пользуясь словами Пушкина, какое именно пепелище — «родным», а какие гробы — «отеческими», далеко не всегда оказывается простым и однозначным. Трудности эти порождены не только субъективными причинами — сознательным или непроизвольным искажением истины, — но и сугубо объективными обстоятельствами, характером имеющейся в нашем распоряжении исторической информации.

«Характерная особенность этнических общностей, — писал тот же Ю. В. Бромлей [1983, 49], — ...состоит в том, что их неизменным свойством является взаимное различие. Этнотипы — категория сопоставительная». Иными словами, само определение *границ* этноса осуществимо лишь при том условии, что он рассматривается на фоне иных подобных коллективов, т. е. в процессе сопоставления. Поскольку этнотипы выделяются (в том числе на диахронической оси) не по какому-то одному, а по целому ряду перечисленных выше признаков, следует остановиться на том, по каким критериям выявляется этноисторическая преемственность и как разные виды такой преемственности соотносятся между собой. К ним относятся прежде всего преемственности биологическая, языковая, культурная, этнонимическая, территориальная, политическая. Рассмотрим каждую из этих характеристик несколько подробнее.

Биологическая преемственность играет особую роль в массовых представлениях об этнических процессах. В бытовом сознании распространено мнение о прямом генетическом родстве — «родстве по крови» — между всеми представителями одного народа. Мнение это уходит корнями в глубочайшую древность.

Стремление к знанию собственных истоков, истории происхождения своего народа (а на более ранних стадиях — рода, племени), составляющее основу самосознания любого человеческого коллектива, в первобытном обществе, скрепленном почти исключительно сознанием своего кровного родства, генеалогической общности, выливалось в создание мифов об общих тотемических — зооморфных — предках. В этих, пусть достаточно примитивных, формах человечеству первоначально было задано чувство *истории*.

Естественно, что в догосударственную первобытную эпоху это чувство было ограничено родоплеменными рамками, а иноплеменники, инородцы воспринимались если не прямо как злые духи и колдуны, то уж во всяком случае как а priori враждебные дикари, не имевшие настоящей культуры, о чем «доподлинно свидетельствовали» их непонятный чужой язык и обычаи. Представления о кровном родстве были самым непосредственным образом связаны с племенной территорией, которая и воспринималась только как освоенная настоящими людьми (единоплеменниками) земля. Так, еще в традиции, донесенной русским летописцем Нестором, земля киевских полян — освоенное пахотное поле, — в границах которой располагалось место создания летописи (сам Киев), противопоставлялась земле древлян, живущих «в лесех, звериньским образом». В более архаических же традициях прослеживается даже прямое отождествление понятий *люди* и *мой народ*, тогда как все другие народы как бы причисляются (более или менее явно) к существам иной природы и о них существуют самые фантастические представления.

Привязанность к родной земле, «почве», воплощалась в мифах об автохтонах — хтонических существах, вышедших прямо из земли, из недр племенной территории и ставших первопредками ее обитателей. Не менее важной в идеологии древнего человека была вера в происхождение первопредков своего народа непосредственно от богов. Эти черты отчетливо прослеживаются, к примеру, в сохранившемся Геродотом мифе о происхождении скифов (см. ниже, *главу III*).

Представления о родстве, подлинном или мнимом, о единстве происхождения всех представителей того или иного народа надолго пережили этот мифологический взгляд и в несколько трансформированной, «рационализированной» форме присутствуют в нынешнем массовом отношении к этнической истории и этническим процессам, что служит, кстати, основной базой для представления о «чистоте» крови, о специфических биологических особенностях каждой нации. Разумеется, биологические родственные связи внутри какой-либо этнической группы в самом деле теснее, чем подобные связи между разными группами. Но все же противопоставление это оказывается до некоторой степени относительным.

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства о биологической связи людей имеют разную природу для разных эпох. На опреде-

ленную историческую глубину биологическая преемственность прослеживается благодаря генеалогической памяти: поименное знание нескольких поколений своих предков обеспечивает достаточно твердые представления на сей счет. Общеизвестно, однако, что глубина этой памяти не одинакова у представителей разных социальных слоев. Наибольшее внимание к своей генеалогии проявляют повсеместно дворянские роды, в чьей идеологии концепция «голубой крови» играет особую роль. Однако неоспорима субъективность и неполная достоверность подобных сведений: вспомним хотя бы драматические сюжеты многих произведений мировой литературы, построенные на внезапном обнаружении героем тайны своего рождения, связанной с нарушением супружеской верности кем-то из его родителей или более отдаленных предков. В других же социальных слоях вследствие меньшего внимания к семейной генеалогии и глубина памяти, и объем сохраняющихся в ней сведений оказываются существенно меньшими, а мера их достоверности еще более проблематичной.

Существуют, однако, объективные данные, позволяющие проследить биологическую связь поколений, к тому же вплоть до весьма отдаленных эпох. В археологии уже давно широкое применение получили методы исторической антропологии, позволяющие проследить родство популяций, обитавших в разное время и на разных территориях, по особенностям строения скелета — в первую очередь черепа. Обширные серии антропологических данных, обработанные с помощью методов математической статистики, позволяют получать достаточно репрезентативные и достоверные сведения как о биологической преемственности, так и о смешении разных этнических групп. В самое последнее время все более широко стали применяться в науке методы палеогенетики: анализ органических (в первую очередь костных) останков людей прошлого, в том числе весьма отдаленных эпох, позволяет выявить не только близость общих биологических характеристик определенной группы людей прошлого, но и прямое родство между ними — правда, лишь по женской линии.

Именно подобный объективный антропологический и генетический анализ со всей наглядностью показал, что концепция чистоты крови того или иного народа на протяжении продолжительных исторических эпох, как правило, представляет по существу не что иное, как исторический миф. Практически все народы, вышедшие на арену мировой истории (за исключением тех, которые в силу определенных исторических условий в течение каких-то отрезков времени существовали в полной изоляции), в той или иной степени смешивались со своими соседями. Особенно активно такое смешение происходило в ходе переселений или в процессе завоеваний. Интенсивность смешения бывала различной, и мера ее вполне поддается количественному выражению. Но самое важное, что скорость изменения биологических характеристик той или иной

совокупности людей может не совпадать — и, как правило, не совпадает — со скоростью изменения иных этнообразующих признаков — языка, культуры и т. д. Вследствие этого в пределах одной крупной современной этнической общности (например, русских) на разных территориях ее обитания обнаруживается известная вариативность антропологических характеристик, как вследствие смешения с аборигенным населением различных областей, постепенно осваивавшихся русскими по мере их расселения, так и в результате смешения с различными более поздними пришельцами (ср., например, антропологию русскоязычного населения в разных частях той обширной территории, на которую оно распространилось в ходе своего расселения). И все же современная наука с полным правом зачастую относит этих различающихся антропологически людей к одному этносу. Из сказанного следует, что переоценка биологического критерия при установлении этноисторической преемственности неправомерна, а его абсолютизация попросту реакционна, как открывающая путь лишенному научной базы расизму.

Поскольку в современной науке классификация этносов осуществляется в первую очередь по степени родства присущих им языков, особое значение при воссоздании этнической истории имеет критерий *языковой преемственности*. Классификация языков по своей природе иерархична: все они делятся на ряд крупных семей, каждая из которых включает ряд ветвей, в свою очередь подразделяющихся на более мелкие группы. В последние десятилетия большое внимание уделяется вопросу о принадлежности нескольких языковых семей к одному и тому же более крупному единству — макросемье. Вся эта иерархия отражает родство между языками, меру близости между ними и, соответственно, их генеалогию, процессы последовательного выделения и обособления новых языков. Поэтому родство языков свидетельствует об общих корнях их носителей. Однако языковая преемственность в разных случаях в различной мере согласуется с преемственностью биологической. Разумеется, та или иная популяция может воспринять новый язык, не родственному языку, свойственному ей раньше, лишь в условиях тесных контактов с людьми, уже говорящими на этом языке, с его прежними носителями, и более того — как правило, при включении носителей этого языка в свой состав. Однако истории хорошо известны случаи, когда в многоязычной, этнически неоднородной среде для возобладания одного из языков вовсе не потребовалось численного преобладания именно его носителей (для этого, к примеру, могло оказаться достаточным, чтобы они занимали в складывающемся новом обществе важные социальные позиции). В принципе соприкосновение двух этнических совокупностей, изначально принадлежавших к разным в языковом отношении группам, может в разных случаях приводить к принципиально различным результатам. Население определенной территории, оставаясь в массе своей биологическими потомками ее более ранних обитателей, в опреде-

ленных условиях усваивает язык не слишком даже многочисленных пришельцев и превращается в народ иной языковой принадлежности. Возможно, напротив, достаточно радикальное изменение антропологического облика обитателей некоей области, обусловленное интенсивным смешением с представителями иного этноса, при сохранении прежнего языка. Такова была, например, ситуация при расселении ираноязычных племен по территории Иранского нагорья или индоариев — по северным областям Индийского субконтинента: современные иранцы и индоарийские племена антропологически близки к доарийскому населению этих регионов, но их языки восходят к языкам, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. проникшим сюда с севера.

При оценке роли языкового критерия в контексте проблемы этнической преемственности и воссоздания этнической истории необходимо к тому же иметь в виду, что применительно к обитателям огромных территорий на протяжении длительных исторических эпох мы попросту не располагаем данными об их языковой принадлежности и можем в лучшем случае пользоваться определенными — более или менее надежными — реконструкциями.

Зато важнейшими для изучения этих эпох являются данные об их культурной принадлежности. По существу для всей так называемой доисторической эпохи — до появления письменных свидетельств — мы наряду с палеоантропологическими данными располагаем исключительно археологическими материалами, памятниками материальной культуры. Существуют детально разработанные на основе систематического изучения массового археологического материала процедуры установления связей между разновременными обитателями разных — порой достаточно удаленных друг от друга — территорий. На этой основе удается с большей или меньшей надежностью проследить археологически древние миграции, процессы взаимодействия и даже смешения разных групп населения. Но и здесь мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что мера культурной преемственности может не совпадать с мерой преемственности языковой и биологической. Вновь приходится повторять, что использование любого из названных критериев, взятого в отдельности, недостаточно для утверждения, что нам удалось обнаружить «пепелища» и «гробы», являющиеся «родными» и «отеческими» для какого-то определенного народа последующей эпохи.

Важнейшим для воссоздания этнической истории является изучение этнонимов, ибо, как установлено этнологами и как отмечено, в частности, в приведенных выше словах Ю. В. Бромлея, одним из основных признаков этноса является свойственное ему самосознание, т. е. осознание, с одной стороны, своего единства, а с другой — своего отличия от всех прочих этносов; и это самосознание находит отражение в первую очередь в существовании особого самоназвания данного этноса. Однако изучение этнонимии также порождает определенные проблемы. Преж-

де всего необходимо иметь в виду, что система этнонимов так же иерархична, как сама этническая структура общества: наряду с рядами наименований этнических общностей одного уровня всегда существуют их обобщающие наименования, в свою очередь образующие ряды более высокого ранга, и т. д. При работе с источниками, в которых запечатлена историческая этнонимия, чрезвычайно важно, принадлежит ли этот источник той же культурной традиции, что и зафиксированные в ней этнонимы, или же он инокультурен по отношению к ней; в последнем случае системность этнонимической иерархии зачастую может оказаться нарушенной. К тому же следует иметь в виду, что наряду с самоназваниями (эндоэтнонимами), т. е. именами, которыми обозначали себя сами члены этнических общностей, всегда существуют и иноназвания (экзоэтнонимы) — наименования, которые придавались определенным этническим совокупностям внешними, инокультурными, наблюдателями, и в инокультурных источниках само- и иноназвания зачастую смешаны. Более того, внешний наблюдатель мог зафиксировать в качестве этнонима некий термин, изначально вообще имевший не этническую, а какую-то иную природу (например, соционим — термин, обозначающий некую социальную категорию, наименование конфессиональной группы, просто прозвище, данное какой-то группе, чьи границы не совпадают с этническими, и т. п.), — это так называемые псевдоэтнонимы. Прекрасный пример псевдоэтнонима и его развития представляет русское слово *немцы*. Изначально оно имело значение *немой*: человек, не говорящий на моем языке, воспринимался как вовсе лишенный языка. Не случайно Н. В. Гоголь характеризовал употребление этого слова в Малороссии в первой трети прошлого века так: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все немец». Конкретное этническое содержание — как иноназвание жителей Германии — оно приобрело постепенно, заменив в русском языке в этом значении и самоназвание *Deutsche*, и общеевропейское *German*, германец.

Вследствие всего сказанного вполне справедливым представляется замечание академика В. П. Алексеева [1986, 28—29], что «древние этнонимы имеют сложное происхождение... и понять, какой характер имеет то или иное название, фигурирующее в источнике, из самого источника чаще всего невозможно». Нужно также иметь в виду, что один и тот же термин на разных этапах своего бытования может менять функцию, переходить с одного уровня этнической иерархии на другой, превращаться из псевдоэтнонима в ино- или даже самоназвание либо претерпевать другие смысловые трансформации. Поэтому при комплексном исследовании вопросов этнической истории проблема соотношения данных этнонимии со сведениями иной природы — антропологическими, лингвистическими, историко-культурными — достаточно сложна, а

порой и вообще не имеет решения в силу ограниченности имеющихся в нашем распоряжении данных.

Если перечисленные выше критерии этнической преемственности и не носят, как мы убедились, абсолютного характера, они все же отражают реальные связи между этническими совокупностями, в то время как два последних — *территориальный и политический* — подобной информации вовсе не содержат, хотя в бытовом сознании им зачастую ее приписывают. В самом деле, представители самых разных народов сплошь и рядом воспринимают как древности собственных предков *все* те памятники, которые располагаются на землях нынешнего обитания данного народа, вне зависимости от того, как давно они на эту территорию проникли и как в действительности рассматриваемые памятники датируются. Это — один из наиболее характерных примеров либо непреднамеренного заблуждения, вызванного недостатком этноисторических знаний, либо целенаправленной фальсификации с целью «обогащения» прошлого собственного народа. То же касается стремления приписать своим предкам все политические образования, некогда существовавшие на территории, заселенной неким народом лишь в последующие эпохи.

Все сказанное имело целью продемонстрировать два связанных с этнической историей момента. Во-первых, мы убедились, что этноисторические процессы отражаются в явлениях и фактах различной природы, зачастую эволюционирующих с неодинаковой скоростью, и абсолютизация какого-то одного фактора может привести к существенным искажениям реальной картины. Во-вторых, история любого народа всегда протекает в более или менее тесном взаимодействии с соседними народами, причем в разных сферах — биологической, языковой, культурной — это взаимодействие опять-таки проявляется с различной интенсивностью. Поэтому оценка любого современного народа как «особенно древнего» по сравнению с иными, столь часто встречающаяся в научно-популярных или публицистических сочинениях, по существу абсолютно неправомерна: его современные этнические характеристики наверняка восходят к *различным* народам прошлого. По-настоящему древними являются человечество в целом и его совокупное культурное наследие. Истинное назначение этнической истории как самостоятельной научной дисциплины состоит в изучении процессов взаимодействия различных народов в различные эпохи, меры и форм их участия в формировании новых этносов.

Исследование истории России, чьей наиболее яркой особенностью является многонациональный состав ее населения, в указанном ракурсе чрезвычайно актуально именно в наши дни, когда с небывалой остротой встали вопросы национального самосознания. Зачастую они включаются в арсенал политической пропаганды, причем сплошь и рядом без должного внимания к мере исторической обоснованности того или

иного утверждения, касающегося сферы этнической истории. В этих условиях особенно важны методические аспекты данной дисциплины, рассмотрение процедуры толкования данных различной природы и их согласования между собой с целью получения целостной достоверной картины.

В этой книге речь пойдет об истории народов России именно в описанном выше ключе. Предметом нашего рассмотрения будет не событийная канва этой истории, а вопросы формирования различных народов, их взаимодействия между собой, исчезновения с исторической арены и превращения в новые этносы. Авторы, безусловно, хотели бы избежать неравномерности в освещении истории разных народов, но вынуждены констатировать, что достигнуть этого практически невозможно. Причиной тому является не наша тенденциозность или пристрастия (хотя естественно, что авторы — скифолог и русист — опираются в первую очередь на материал, проработанный ими в ходе собственных исследований), а характер имеющихся в нашем распоряжении источников и неравномерность, неоднородность сохранившейся исторической информации. Напомним, что речь будет идти преимущественно о тех регионах, которые в рассматриваемую эпоху не знали письменности и чья история, если и освещена в письменных памятниках (причем фрагментарно и выборочно), то исключительно инокультурных. Далеко не одинаково представлены для разных периодов и регионов лингвистические, антропологические, археологические данные. По этим причинам воссоздать полную и целостную картину этнической истории народов, обитавших в древности и средневековье на территории нынешней России, по существу невозможно, и это обстоятельство в значительной мере определило содержание книги, ее целевые установки. Мы посчитали целесообразным сосредоточиться в первую очередь на освещении тех *методов*, с помощью которых современная наука реконструирует этноисторические процессы, и тех *источников* по этнической истории народов России в древности и средневековье, которыми мы располагаем. Разумеется, все эти сведения будут подкреплены наиболее наглядными примерами именно из тех разделов истории, которым данная книга посвящена.

Дальнейшему изложению необходимо предпослать и несколько предварительных замечаний о содержании и структуре книги. Хронологические рамки рассматриваемого в ней периода обозначены в заглавии как древность и раннее средневековье. В качестве нижнего рубежа этого периода закономерно выступает время появления человека на территории современной России. Поскольку граница между ранним и развитым средневековьем в известной мере условна и неоднозначно трактуется в истории разных регионов, в качестве верхней временной границы выбрано такое важнейшее событие в истории многих народов Восточной Европы, как завершение образования Древнерусского государства —